



*Дом помещиков Олферьевых в селе Уда. Сожжен в ноябре 1917 года*

В этом номере газеты очередными воспоминаниями последнего помещика Уды, земского начальника А.П. Олферьева мы заканчиваем цикл публикаций, приуроченных 100 - летию Октябрьской революции. Его материалы – исповедь, честная, бесхитростная, изобилующая точными правдивыми подробностями. Смутное время... Народ будто в пьяном угаре крушил экономическую формацию, ненавистный строй... Основу государства, а заодно фабрики, барские дома, усадьбы. Все до основания...

#### Несостоявшийся эксцесс

В это время шло голосование по избранию членов Учредительного Собрания. Выборы назначены в сентябре. В день выборов я и жена должны были поехать в Атемар и там опустить свои бюллетени. Поехал я с ней вдвоем на шарабане и без кучера. Приехали в сборный пункт и нас приняли очень любезно. Проголосовав, мы поехали в волостное правление, так как жене надо было переговорить по телефону. Из Уды телефон не работал. Подъехали к правлению, и жена пошла внутрь, а я остался в шарабане. Много людей проходило мимо, и все здоровались со мной. Вдруг меня сильно ударило в висок. Вижу, два крестьянина побежали прочь от меня, я соскочил с экипажа, нагнал одного из бежавших и потащил его к правлению, а навстречу нам выходит моя жена и с ней волостной Старшина и писарь. Жена, увидев меня, вскрикнула: «Ты весь в крови! Что случилось?». «Вот этот гражданин бросил в меня камнем, и я его поймал», и тут же передал пойманного Старшине, чтобы установить кто это. Оказалось, что это крестьянин села Атемара, Пакшин, обычно проживавший на стороне и только что вернувшийся на родину. Вошли в правление, и тут я почувствовал себя нехорошо и

голова начала кружиться. Мне дали полотенце и воду. Я отер лицо и вижу, что я весь в крови. Попросил волостного писаря приказать отвести мою лошадь и экипаж к дому священника, который был рядом с правлением. Жене говорю, чтобы она шла к священнику. Она пошла, а за ней и я. За воротами слышался гвалт толпы. Думаю, как спасти мою жену от могущих быть эксцессов, хотя жена была, очевидно, в доме. Я подошел к сараю, вынул револьвер из кармана. Осмотрел его и думаю, если толпа ворвется на двор, то встречу ее тут и не войду в дом.

Время шло, а народ не ломился в ворота. Значит, пороха не хватило. Приведя себя в относительный порядок, я отправил жену в Уду на моем экипаже. Сам я пошел целиком полем к Уде. Местность я знал хорошо. Мне слышен был звук колес экипажа. Дорога была сухая и жесткая, а ветра не было, и все было тихо. Иду полем, вдруг два каких-то человека болтаются в поле. Я согнулся и лег. Они видимо потеряли меня из вида, начали меня отыскивать. Я лежу в картофельной борозде. Они тоже присели и что-то толкуют. Один встал и побежал по направлению к ветряным мельницам. Очевидно, пошел за другими. Я начал потихоньку, без малейшего шума, переползая с борозды на борозду и решил, если удастся, то проползу вровень с ним, брошусь на него и ударом револьвера в голову оглушу его. Но он начал отползать назад и пропал у меня из вида. Видимо он боялся меня. Я приподнялся и вижу у ветряных мельниц группу народа. Значит, меня там поджидают. Местность шла под уклон и я, пользуясь этим, согнувшись, пошел потихоньку по иному направлению. Прошел порядочно и стал подниматься на взгорок. Какое-то зарево освещало мне путь, и было хорошо видно все в направлении мельниц. Я был далеко - тут уже изловить меня не смогли бы. Дошел я до вязового мостика и слышу, едет какой-то экипаж. Я свернул в овражек и вышел по нему к своему заводу. Потом оказалось, что экипаж ехал за мной и отвозил ямщика, отвозившего мою жену. Когда я подходил к дому, мне навстречу шла толпа удинских крестьян. Они отправлялись выручать меня из Атемара, узнав от жены о происшедшем со мною несчастье. Один из крестьян, утешая мою жену, сказал: «Если он выйдет в поле, то его не поймают. Не такой он. Он охотник и сумеет уйти от них». Наутро я уехал в Саранск показаться доктору и заявить судебному следователю. Доктор признал рану опасной, и только случайно спас околыш фуражки, иначе была бы пробита височная кость. Следователь меня допросил, и дело было передано в суд — Пакшин был приговорен к тюремному заключению на три месяца.

«У всех крестьяне против них,  
а у вас наоборот»

После этого моя жена решила переехать в Саранск. В доме началась укладка вещей и всё готовилось к эвакуации. Часть мебели и вещей отправили раньше, а крестьяне явились и заявили, что они сами увезут вещи на своих лошадях, так как это будет вернее, а то могут быть неприятные выходки со стороны Атемарских и Посопных крестьян. Отлично отвезли вещи и вполне благополучно. Дорога начала сильно портиться - шли дожди. Жена с Юрой (младшим сыном) и Дуняшей (нянькой) уехали в Саранск, а я остался в Уде, чтобы отправлять остальное имущество. Дорога портилась и была совершенно непроездна. Подходил Михайлов день (8-е Ноября). Я кое-что ликвидировал в Уде, но самые пустяки. Оставалось много мебели, посуды, картин, зеркал т.п. Заботило, куда все это деть. Моя квартира была мала для такой массы. Еще оставались

экипажи и много выездной сбруи. Денег в Пензе не было, и только утешали тем, что на днях выпустят Пензенские боны. Надо было получить 60000 рублей. Экссессы усиливались.

Вдруг в Уду прибывает конный отряд с офицером, для охраны. Меня это не устраивало. В Уде все было спокойно, а прибытие отряда могло лишь нервировать крестьян. Угрозы были со стороны Атемара. Хотели захватить с пастбища стадо, но поголовно все удинские крестьяне пришли ко мне и отправились отогнать стадо домой, там же паслись и лошади. Я как-то пошел на сход, где мы мирно толковали, но офицеру показалось, что я очень долго сижу на сходе, и он в сопровождении четырех вооруженных человек отправился на сход. Увидев солдат и офицера, бывшие на сходе взволновались и начали гнать эту команду. Я сказал офицеру, что он напрасно беспокоится и чтобы он шел домой. Когда команда ушла, сход успокоился: немного потолковали и спокойно разошлись.

На этом сходе крестьяне предложили мне продать им лошадей. Я им сказал, что могу продать и пусть они пришлют уполномоченного договориться о цене. Лошадей они хорошо знали. На утро пришли уполномоченные обсудить это дело, и я продал им рабочих лошадей и молодняк за 5000 рублей. Выездных лошадей я не продал. После сделки уполномоченные ушли и сказали, что вечером принесут деньги сполна. Пока я ожидал их прихода, офицер мне говорит: «Не надейтесь на них, они вас надуют и денег не принесут». Я ответил ему уверенно что принесут деньги. На это он сказал: «У всех владельцев крестьяне против них, а у вас наоборот. Крестьяне отстаивают Ваши интересы, тихо и спокойно ведут себя. Прямо удивительно». Действительно, немного погодя уполномоченные явились и принесли всю сумму сполна.

В Уде все погибло

Наутро поехал в Саранск отвести деньги. Дорога была ужасная. И я едва добрался до города. Везти вещи было невозможно. Время шло быстро, приходил конец октября. Власть перешла в руки «большевиков», и последовал декрет об отобрании земли у землевладельцев и не платить им за поставки. Мои 60000 рублей пропали. Это было очень тяжело переживать, но плетью обуха не перешибешь! Погоревал о пропаже такой суммы, но одно утешало, что куплена вовремя усадьба и она приведена в полный порядок. Поехал в Уду, а шел уже ноябрь. В Уде меня ждала большая неприятность. У меня была рожь в амбаре, и я обещал дать крестьянам 500 пудов. Уезжая в Саранск, я осмотрел сарай - вся рожь была в наличности. Когда я вернулся в Уду, ко мне пришли крестьяне и сообщили, что хлеб из амбара ночью вывезен. Я позвал Д.И. Лешова, у которого были ключи от амбара. Ржи не оказалось, и не только 500 пудов, но и всей остальной ржи и других хлебов. Я страшно обозлился на Лешова и выгнал его вон из усадьбы. Оказалось, что он продал рожь и другие хлеба Протасовскому волостному старшине, и ночью все это вывезли. Лешов исчез немедля, и я его больше не видал. Это все проделал человек, который служил еще при моем отце и пользовался его доверием, а потом и мне служил, и я относился к нему с полным доверием и вниманием, как к человеку более 25 лет прослужившему при экономии. Вечером опять Атемарцы хотели захватить коров, но им не удалось это. Коров отогнали наши крестьяне. Приехал в город и чувствовал себя нехорошо, видимо простудился, а главное то, что я видел: Уда доживает последние дни. Тяжело это было переживать, и впереди ничего хорошего не предвиделось. Жизнь в Саранске тоже ничего хорошего не сулила.

Подошло 21 ноября - Праздник Введения - Престольный Праздник в Уде, и все там будет пьяно. В этот день налетели Монастырские, Скрябинские и Павловские крестьяне и совершился разгром усадьбы. Некоторые Удинские крестьяне не отстали от налетчиков и тоже приняли участие в грабеже. Все из дома растащили, и самый дом подожгли. Это меня совсем убило. Очень тяжело было все это переживать, да и теперь жутко все это вспоминать, хоть и прошло 30 лет, но всё в памяти хранится тяжелый осадок. Все в Уде погибло, и что-либо сделать нельзя, а погибло много. Надо было ехать в Симбирск, где были мои два сына. Им было куда склонить голову, там жила с семьей моя сестра Кормилицына и брат Вася Корольков с семьей.

### Пожар

#### в Саранске

В Саранске в это время начали грабить казенный винный склад, и в городе было очень беспокойно. Предложили горожанам охранять порядок своими силами. Создавались уличные комитеты, приходилось караулить по очереди и особо ночью. Оружия не было, обходились тем, что имели. У меня было много ружей, и я пустил их в охрану. Ночью ходить воспрещалось, а если кому было нужно идти, то надо было обратиться к уличному караулу, и его передавали караулу следующей улицы и так с улицы на улицу. Винный склад горел. Запас спирта был большой. Спирт и водку крали, но кого изловят со спиртом или водкой, то все отбирали и выливали на снег, а посуду разбивали. Дни пожара были очень тревожные. Прибывающих по железной дороге в город не пропускали, а прибывали издалека, надеясь захватить спирту или водки. Много было опившихся на смерть, а цистерны пробивали пулями и выпускали содержимое на снег. Боялись поджогов, а постройки в городе больше деревянные. После пожара винного склада и ограбления его все успокоилось и стало тихо, но все же было неважно.